

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

А.А. Кокошин*

РЕВОЛЮЦИЯ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ И ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИИ

В статье предлагается комплексный анализ основных направлений модернизации Вооруженных сил России в контексте революции в военном деле (РВД). Особое внимание уделяется проблеме создания адаптивной системы управления, способной обеспечить эффективное решение стратегических и оперативно-тактических задач в условиях децентрализованных боевых действий. В статье содержится целый ряд практических рекомендаций по оптимизации системы управления, достижению информационного и интеллектуального превосходства над противником, повышению боевой эффективности и мобильности Вооруженных сил с использованием последних достижений высоких технологий.

Ключевые слова: революция в военном деле (РВД), многоочаговые боевые действия, асимметричные конфликты, информационная война, интегральность, эскалационное доминирование, сетевые принципы управления.

The article offers a comprehensive analysis of the principal dimensions of modernization of the Russian Armed Forces in the context of Revolution in Military Affairs (RMA). The author focuses primarily on the problem of creating an adaptive system of management capable of providing effective solutions to strategic and operational-tactic tasks under the conditions of decentralized warfare. The article contains numerous practical recommendations on the optimization of management system, ensuring the informational and intellectual superiority over the enemy, the enhancement of combat effectiveness and mobility of the military with the help of the latest technological achievements.

---

* *Андрей Афанасьевич Кокошин* — д.и.н., профессор, академик РАН, действительный член Российской академии ракетно-артиллерийских наук, Академии военных наук России; в прошлом занимал посты первого заместителя министра обороны РФ, секретаря Совета обороны РФ, секретаря Совета безопасности РФ; курировал создание ряда новейших систем вооружения и технологий военного и двойного назначения, в том числе: межконтинентальной баллистической ракеты «Тополь-М», тяжелого атомного ракетного крейсера «Петр Великий», оперативно-тактического ракетного комплекса «Искандер», малозумных моноцелевых атомных подводных лодок, интегрированных электронно-вычислительных комплексов и др. В настоящее время депутат Государственной Думы ФС РФ, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В.Ломоносова (e-mail: dekanat@fmp.msu.ru).

Key words: revolution in military affairs (RMA), multifocal warfare, asymmetric conflicts, information warfare, integrality, escalation dominance, network-centric warfare management.

Перед Вооруженными силами РФ, перед всеми нами стоят масштабные задачи по созданию того, что В.В. Путин назвал «инновационной армией», и как следствие — радикально обновленного, основанного на последних достижениях не только российской, но и мировой науки и техники оборонно-промышленного комплекса страны.

Рассматривая вопросы создания в России военной мощи, способной решать в необходимом объеме задачи обеспечения наших национальных интересов в обозримом будущем, мы должны во всей полноте учитывать закономерности происходящей революции в военном деле (РВД) в контексте современных геополитических процессов и особенностей развития техносферы в целом. При этом в полной мере должна быть учтена и специфика России, особенности политико-военной обстановки в зоне наших стратегических интересов. Нельзя не напомнить, что среди пионеров изучения современной РВД были отечественные военачальники — Маршал Советского Союза Н.В. Огарков, генерал армии В.М. Шабанов, генерал армии А.И. Грибков, генерал армии М.А. Гареев, генерал-полковник Н.А. Ломов, генерал-полковник В.П. Миронов и целый ряд аналитиков институтов отечественного оборонно-промышленного комплекса, Минобороны СССР и РФ, Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба ВС РФ. Исследование проблем РВД, по словам выдающегося отечественного военного теоретика А.А. Свечина, должно вести к разгадке оперативной тайны будущей войны и осуществляться совместно как военными профессионалами, так и политиками, учеными, специалистами оборонно-промышленного комплекса.

В последние годы тема РВД значительно более активно, чем в нашей стране, изучается в США, КНР, Индии, Франции и ряде других стран. При этом необходимо отметить, что это уже не первая РВД в мировой истории. И при всем значении техники, технологий, все более сложных боевых и вспомогательных систем для Вооруженных сил главным вопросом остаются новые формы и способы эффективного ведения боевых действий и демонстрации военной силы для решения поставленных боевых задач. В огромном количестве публикаций по теме РВД доминирует то, что можно назвать упрощенным (или даже вульгарным) «технологическим детерминизмом», т.е. при анализе этого феномена есть тенденция рассматривать РВД почти исключительно сквозь призму появления тех или иных новинок вооружений и военной техники. Между

тем следует иметь в виду, что в современных вооруженных конфликтах наряду с нанесением «электронных ударов», применением и более изощренных форм и способов «информационной войны» может активно осуществляться деконцентрация, диспергирование не только «поля боя», но и театра военных действий, сознательно проводится линия на ведение многоочаговых боевых действий. Такая стратегия призвана дезориентировать систему управления другой стороны, особенно если ее характеризуют чрезмерная степень централизации принятия решений и отсутствие единого информационного поля, что, в том числе, не дает возможности ранжировать по степени значимости те или иные очаги ведения боевых действий.

В большинстве имеющихся у нас исследований по проблемам РВД редко уделяется внимание и качеству личного состава Вооруженных сил, особенно в исполнительном звене — и непосредственно на поле боя, и в органах обеспечения ведения боевых действий. В частности, совершенно новые требования к нему предъявляет отечественная выше деконцентрация боевых действий.

РВД внесла качественные изменения в системы военного управления. Прежде всего, потребовалось значительное сокращение времени прохождения управляющих воздействий (приказов, директив) сверху вниз, обеспечение их неискажаемости и правильного понимания (ибо даже при неискажаемости может быть неверная интерпретация, в том числе потому, что многие исполнители интерпретируют указания в свою пользу). Это важно для любой системы, но для силовых структур особенно, ибо на них возлагается особая ответственность — речь идет о жизни и смерти многих людей, результатах боевых действий, которые могут иметь огромное значение для страны.

Не менее важную роль (в свете того, что в свое время К. Клаузевиц назвал «трением войны») играет и обратная связь — доклад о том, как понят приказ и как он исполняется, какие затруднения, проблемы встречаются на пути его реализации. Требуется и получение максимально точных данных о ходе боя, положении сил противника и своих сил и т.п. Все это должно обеспечиваться высокоскоростной обработкой огромного объема информации, ее структурированием. А это возможно лишь при постоянном усовершенствовании в первую очередь программного продукта, тесной работе программистов со штабными работниками¹.

¹ Среди наиболее интересных работ о зарубежном опыте в данной сфере можно отметить монографию С.А. Паршина «Современные тенденции в теории и практике совершенствования оперативного управления вооруженными силами США», изданную в 2009 г. факультетом мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова и ИПМБ РАН [7].

Возможности гибкого и адаптивного управления во все большей степени базируются на *информационном превосходстве*, которое, разумеется, не сводится лишь к объему информации о противнике, своих силах и средствах, динамике обстановки. Оно определяется уровнем организации потоков информации, соответствием ее именно тому, что требуется для принятия решений в конкретный момент, т.е. *информационное превосходство* напрямую связано с *превосходством интеллектуальным*. Интеллектуализм у нас, к сожалению, далеко не всегда, мягко говоря, был в почете в Вооруженных силах и в Российской империи, и в СССР, да и в Российской Федерации. Сегодня интеллектуализация всей нашей деятельности в сфере обеспечения обороноспособности страны — это один из важнейших императивов и в силу характера современного военного дела, и в силу того, что наша страна не является сверхдержавой, и ряда других факторов.

Сейчас многие авторы справедливо вновь (в который раз!) обратили внимание на нашу традиционную «болячку» — связь в тактическом звене. Но решение проблемы отхода от рефлексивного управления не сводится только к связи. Связь — это часть значительно более сложной системы (а в ряде случаев и суперсистемы) управления.

Одной из главных характеристик войн в эпоху РВД является асимметричность. Во многом это связано с применением одной стороной конфликта новых форм и методов ведения войны, в то время как другая сторона воюет, исходя из представлений предыдущего периода военного дела. Асимметричностью должны характеризоваться и большинство военно-технических решений. Генерал армии М.А. Гареев справедливо обратил внимание на то, что в прошлом в нашей стране зачастую имели место преимущественно прямолинейные симметричные действия по обеспечению безопасности страны, и «излишняя ретивость в этой области нередко только усиливала и обостряла угрозы» [1]. В то же время у нас были и примеры асимметричности, к числу которых можно отнести формулу и целый ряд конкретных программ вооружений по «асимметричному ответу» на программу «звездных войн» Президента США Р. Рейгана в 1980-е гг. [6]. Сегодня даже по сугубо экономическим причинам мы не можем себе позволить прямолинейность и симметричность.

Еще раз следует отметить, что асимметричность и принятие на вооружение соответствующих «стратагем» требуют значительно более активной работы ума, участия в выработке решений довольно широкого круга лиц — как военных, так и гражданских специалистов.

На современном этапе РВД сроки модернизации всей системы обеспечения оборонной безопасности страны сжаты, и многое

нам придется сделать в гораздо более ускоренном порядке и в более сложных условиях, чем представлялось ранее. При этом остро стоит вопрос об эффективности использования значительных, но все же еще ограниченных средств, которые государство может и должно выделять на оборону и на военные нужды, в связи с большим числом других приоритетов развития страны. Надо отдавать себе отчет в том, что многие наши проблемы носят застарелый характер, что в обществе и в Вооруженных силах, в оборонно-промышленном комплексе имеются разного рода стереотипы восприятия и поведения, которые не адекватны современным требованиям.

Исключительно важна в военно-теоретической и политико-военной мысли нацеленность на *концептуализацию*, агрегирование отдельных, подчас внешне разрозненных компонентов в цельную, но при этом многомерную и сложную формулу, определяющую характер очередной РВД и практические выводы из этого определения для государственного руководства, «политического класса» страны в целом, военного командования, причем не только высшего, но практически всех звеньев. Для этого, в том числе, и в Минобороны, и в Совете безопасности необходимо проводить соответствующие научно-исследовательские работы.

Если говорить о наращивании боевых возможностей России, то в первую очередь следует иметь в виду весь комплекс информационно-аналитических средств, объединенных в мощную, гибкую «суперсистему» (или «систему систем»), охватывающую все звенья управления. Управленческий компонент РВД часто упускается из виду и аналитиками, и практическими руководителями. Между тем он приобретает особенное значение хотя бы в силу постоянно усложняющегося характера современного боя, операций и происходящих «парадигматических сдвигов» в формах и способах ведения боевых действий. Мы наблюдаем значительный рост числа компонентов вооруженных сил, усложнение боевых порядков, что требует все более тщательной отработки взаимодействия между этими компонентами — по вертикали и горизонтали, в различных матричных сочетаниях.

Эта система должна иметь высоко интегрированные средства разведки, наблюдения, связи, телекоммуникаций, навигации, ретрансляции, целеуказания, топогеодезии, обнаружения стартов баллистических ракет нового поколения, распознавания целей, контроля и др., боевые ударные комплексы, авиацию, средства радиоэлектронной борьбы (РЭБ), обеспечивающие абсолютное превосходство на поле боя, хотя бы на сравнительно короткий промежуток времени². В такой системе большую роль должен

² В частности, давно назрела необходимость проведения инвентаризации сил и средств технической разведки (ГРУ, ВМФ, ВВС, СВ) с целью их последующей интеграции и унификации, а также возможности сопряжения их со средствами РЭБ.

играть единый унифицированный инструментарий (протоколы обработки и предоставления информации. Эта задача, как учит мировой и отечественный опыт, исключительно актуальная, в частности для разведслужб и их отдельных компонентов. Современная война — это во многом война разведок, и в ведении этой войны большую роль играет не только собственно военная разведка, но и другие разведслужбы, имеющие иную ведомственную принадлежность. В этой связи комплексирование действий разведслужб, обобщение получаемой от всех их подразделений информации ради обеспечения победы в тактическом, оперативном и стратегическом масштабах (ради решения четко определенных политических задач) — дело исключительной важности, которое на практике решается с огромным трудом (а часто и не решается вообще, как, например, учит опыт действий США и их союзников в Ираке и Афганистане).

Соответствующие позиции при этом должны быть введены в наставления, боевые уставы (которые, очевидно, у нас нуждаются в радикальном обновлении). Для реализации этой задачи следовало бы в том числе ввести специальную должность заместителя начальника Генерального штаба ВС РФ по вопросам управления и аналогичные должности в главкоматах видов Вооруженных сил РФ. Необходимо наличие должностного лица в качестве заместителя Начальника вооружения Вооруженных сил РФ.

Одним из наиболее важных элементов комплекса информационно-аналитических средств являются сети компьютеров (в том числе суперЭВМ быстродействием в несколько десятков терафлоп) и серверов большой мощности с соответствующим программным обеспечением. Эти сети и их компоненты должны обладать высокой степенью защищенности (устойчивости) по отношению как к средствам поражения, применяемым в военных условиях, так и к «кибератакам» в мирное время (многогранная и многомерная «информационная война» не прекращается ни на минуту). И это — тема далеко не только для технических специалистов службы связи Генерального штаба. Это вопрос для высшего руководства Вооруженных сил РФ.

Сегодня уже не может быть никаких сомнений в том, что такого рода системы управления должны строиться на основе *сетевых принципов* с учетом реального опыта тех стран, которые уже ушли далеко вперед в этих вопросах (это не только США, но и Франция, Израиль, к которым активно подтягиваются Китай и Индия).

Автор статьи «Борьба за информацию на основе информации» в «Независимом военном обозрении» А.Е. Кондратьев справедливо обращает внимание на то, что у нас часто неверно интерпретируют

формулы и реально существующие за рубежом «сетевые» системы, говоря, что они якобы предназначены для ведения глобальных войн с управлением из единого центра, а интеграция всех участников боевых действий в единую сеть — это только фантастическая и несбыточная концепция применения группировок роботов. Ошибочно часто говорят и о том, что формирование единой (для всех уровней) картины ситуационной осведомленности не нужно боевым формированиям тактического звена, поскольку им требуется только тактическая (локальная) информация [4]. На деле же от таких сетей при правильном их использовании прежде всего выигрывает тактическое, исполнительное звено.

Разумеется, такие сети должны преимущественно (а в ближайшей перспективе и полностью) обеспечиваться средствами отечественной разработки и отечественного производства. Это принципиально важно с точки зрения обеспечения информационной безопасности не только в военное, но и в мирное время, ибо информационные войны ведутся непрерывно. За последние несколько лет в России появился целый ряд немаловажных достижений отечественных ученых, инженеров в различных компонентах электроники (в том числе в микроэлектронике), в системной интеграции, программных продуктах, суперкомпьютеринге — как общего, так и специального назначения, которые следует во всей полноте учитывать при решении отмеченных выше задач. В том числе есть неплохие результаты по программе «Интеграция СВТ» (включая отечественную микроэлектронику), которая была запущена решениями автора в его бытность первым заместителем министра обороны РФ.

Представляется необходимым также обратить значительно больше внимание на все средства контроля над обстановкой в целом. Это в первую очередь относится к беспилотным разведывательным (и разведывательно-ударным) средствам всепогодного применения, оснащенным полным комплексом средств снижения заметности, способным вести разведку, наблюдение, доразведку целей, выдачу целеуказаний, а также осуществлять наблюдение за положением и действиями как противника, так и собственных сил и средств, за их фактическим соответствием поставленным государственным руководством и военным командованием политическим и военным целям и задачам.

В свете всего вышеизложенного представляется целесообразным решить также вопрос о рациональном соотношении беспилотных разведывательно-ударных средств и пилотируемой ударной авиации. Вопрос этот следует рассмотреть не только с учетом оперативных и тактических задач в различных боевых ситуациях и «конфликтах низкой интенсивности», критериев «стоимость—

эффективность—реализуемость», но и с учетом политических аспектов применения тех или иных видов боевой техники. В целом ряде конфликтов применение «беспилотников» представляется более предпочтительным даже с сугубо политической точки зрения.

Разведывательно-ударный комплекс, размещаемый на беспилотном летательном аппарате, снабженном бортовым вычислительным комплексом с элементами искусственного интеллекта, — это фактически боевой робот. Дать целый набор принципиально новых решений, обеспечивающих прорыв в этой сфере, могут нанотехнологии, созданные на их основе принципиально новые микромеханические устройства, датчики, топливо, не говоря уже об электронике. Уже в обозримой перспективе можно ожидать появления еще по крайней мере 5—7 других типов и видов боевых роботов, в том числе антропного типа определенной функциональной направленности. При этом в РФ имеются все возможности для производства собственных беспилотных летательных аппаратов разных типов и видов.

Одновременно крайне важно интенсифицировать развитие отечественных многофункциональных всепогодных средств (прежде всего РЭБ) нейтрализации и поражения беспилотных летательных аппаратов противника (в том числе средств, позволяющих блокировать использование «беспилотниками» глобальных навигационных спутниковых систем).

Следует также обратить особое внимание на развитие РЭБ и некоторых других средств по нейтрализации (и снижению эффективности) разнообразных военных космических средств, группировок космических аппаратов наших оппонентов. Надо иметь особую программу такого рода. Это потребует отработки и технологий соответствующих систем, и тактических приемов.

В целом РЭБ давно пора превратить из вспомогательного, обеспечивающего средства в одно из основных боевых с соответствующим оргштатным обеспечением и отражением этого в уставах и наставлениях. Статус у службы РЭБ должен быть, по крайней мере, не ниже статуса службы ракетно-артиллерийского вооружения (РАВ). Нельзя не напомнить, что при этом РЭБ уже давно не сводится к радиоэлектронному подавлению (РЭП), а преимущественно призвана быть весьма тонким инструментом противоборства и в мирное, и в военное время. «Электронный удар» можно наносить кувалдой, а можно и рапирой... Это требует высочайшей квалификации от соответствующего персонала, понимания возможностей и проблем РЭБ командирами и командующими всех уровней. Радиоэлектронная борьба — это средство снижения реальной боевой эффективности «оппонента», его дезориентации и дезинформации, фрагментации его системы управления. В результате этого в конечном итоге у противника должна быть подавлена воля к сопро-

тивлению, причем в строго определенные промежутки времени, необходимые для захвата и удержания инициативы. Именно подавление воли к сопротивлению является главной задачей боевых действий вопреки все еще весьма распространенному мнению о первичности физического уничтожения живой силы и техники противника.

С учетом качественно нового этапа развития средств воздушного-космического нападения, которые потенциально могут быть использованы против нашей страны, приобретает особую значимость разработка новых подходов в отношении систем и средств ПВО, ПРО, ПКО на всех уровнях — стратегическом, оперативном, тактическом — с постановкой реалистических задач для них применительно к конкретным театрам, видам и типам боевых действий, различным вариантам обострения политико-военной обстановки. Здесь опять же все более важную роль должны играть средства РЭБ. Как справедливо отмечает, например, в своем труде адмирал Г.Г. Костев, постановка завышенных, нереалистических задач приводит к тому, что оперативная и боевая подготовка для командного состава носит «декоративный характер»³.

Принципиально важно особое внимание обратить на развитие сил и средств (а также на политические, пропагандистские и военные процедуры), которые *могли бы предотвращать эскалационное доминирование противника в остром конфликте*, когда встает во весь рост угроза применения силы вплоть до использования самых современных средств массового поражения. Инициатива в этом должна принадлежать совместно военному ведомству, МИДу, аппарату Совета безопасности.

Речь идет не только о ядерных силах и средствах, но и о комплексах высокоточного оружия большой дальности для осуществления функции «неядерного сдерживания».

Теория и методы эскалационного доминирования, по ряду данных, в последнее время у «супостата» получили новый импульс в своем развитии (они там разрабатываются уже на протяжении нескольких десятилетий, на что, к сожалению, у нас не обращено должного внимания).

Наряду с развитием соответствующих систем и средств следует разработать заранее различные варианты асимметричных (и сим-

---

³ Адмирал Г.Г. Костев в своем труде отмечает, что для советского ВМФ в свое время в Мировом океане было выделено три «явно гипертрофированных задачи: готовность к уничтожению подводных атомных ракетносцев противника, готовность к уничтожению его авианосных ударных групп и соединений и завоевание господства на море. К сожалению, такая их постановка приводила к созданию теорий, которые на практике вынуждали исполнителей к различного рода условностям, к обозначению на учениях сил, которые фактически не могли быть задействованы» [5, с. 463—464].

метричных) мер контрдоминирования, носящих комплексный характер, с учетом политико-дипломатических, политико-психологических, оперативно-стратегических, оперативно-тактических и технических аспектов этого вопроса.

В ходе модернизации Вооруженных сил РФ необходимо в полной мере учитывать особенности, территориальную специфику различных театров военных действий с соответствующими специфическими требованиями к характеру группировок сил и средств.

Необходимым условием повышения обороноспособности государства должно стать ускоренное развитие средств обеспечения тактической, оперативной и стратегической мобильности подразделений, частей и соединений, в частности военно-транспортной авиации, вертолетов и всей необходимой инфраструктуры. В этом плане в том числе представляется целесообразным вернуть армейскую авиацию в Сухопутные войска (несколько лет назад весьма убедительное обоснование необходимости принадлежности армейской авиации к Сухопутным войскам представил генерал-майор авиации профессор В.Г. Рог; к его мнению, как и к мнению целого ряда других специалистов, к сожалению, тогда не прислушались).

Одни из важнейших задач в повышении боевой эффективности Вооруженных сил РФ — обеспечение максимального быстродействия всей системы выработки, принятия и реализации решений (начиная с высшего политического уровня вплоть до исполнительного тактического звена) о проведении военных операций (и демонстрации военной силы); повышение возможностей «все видеть, все слышать, все знать и все понимать» и о противнике, и о себе. (При этом надо отдавать себе отчет в том, что, как отмечал А.А. Свечин, в реальности решения всегда приходится принимать при отсутствии полноты данных.) Все это должно быть направлено на опережение противника в анализе и оценке обстановки, принятии решений и их реализации. При этом огромную роль должны играть не только техника, но и процедуры («протоколы») взаимодействия звеньев системы управления. Важны также и число иерархических ступеней в системе принятия решений, и, конечно, «человеческий фактор», оптимальное сочетание теоретических и прикладных знаний, воли, психической устойчивости («стрессоустойчивости») командующих и командиров всех рангов, штабных работников.

Необходимо все более настойчиво и целеустремленно добиваться обеспечения высокой степени взаимодействия (интегральности) разнородных сил и средств (особенно ВВС и ПВО с частями, даже подразделениями Сухопутных войск) вплоть до батальонного и ротного звена (и их эквивалентов). Интегральность, «объединенность» сил и средств во всех звеньях — одно из важнейших усло-

вий успеха. Эта проблема у нас тоже традиционно недоучитывается. Нерешенность ее в том числе отразилась на боевых действиях по отражению агрессии Грузии в Южной Осетии в августе 2008 г.

Это недопонимание, недоучет восходят еще к первому периоду Великой Отечественной войны и предвоенному периоду, когда наши военачальники не смогли распознать по-настоящему формулу экстраординарных успехов гитлеровского вермахта в войне против Польши в 1939 г. и в молниеносном разгроме таких перво-классных великих держав того времени, как Франция и Великобритания, в 1940 г. Вермахт в тот период демонстрировал исключительно высокую степень согласованности (интегральности) действий танковых объединений, соединений и частей, боевых организмов бомбардировочной и истребительной авиации, артиллерии, пехоты, опираясь на новейшие по тем временам средства и методы разведки, целеуказания, связи. Эту интегральность обеспечивали как оргштатные решения⁴, так и отработанные в ходе многочисленных учений (особенно командно-штабных) информационно-управленческие процедуры. В рамках этих учений внимание обращалось на неискажаемость директив, приказов, команд и скорость их доведения до исполнительного звена, на многочисленные обратные связи, в том числе между теми, кто действует «в поле, и теми, кто руководит боем, операцией» [2]. Если идти дальше вглубь истории, то исключительно высокой степенью интегральности разнородных сил и средств на поле боя владел Наполеон Бонапарт (что очень редко отмечается среди важнейших компонентов его военного гения).

Речь идет о достаточно сложных (а подчас и сверхсложных) в управленческом и научно-техническом отношении решениях. Никаких иллюзий по этому поводу ни у кого не должно быть. Современная формула управления — многозвенная и многомерная, ибо сверхсложным является объект управления, состоящий прежде всего из противоборствующих сторон. Одним из постулатов науки об управлении, которая уже развивается на протяжении десятилетий, является то, что система управления не может быть менее сложной, чем объект управления. Это в полной мере относится и к такому многомерному феномену, как применение военной силы в широком диапазоне ради достижения различных политических

---

⁴ В июне 1941 г., накануне гитлеровской агрессии против СССР, 2-я танковая группа Г. Гудериана имела в своем составе, помимо двух танковых корпусов, авиагруппу бомбардировщиков, обеспечивавших поддержку танкам и мотопехоте прежде всего непосредственно на поле боя, специальную часть разведывательной авиации; планирование их применения, непосредственное применение осуществлялось полностью командованием этой танковой группы (позднее танковые группы вермахта были преобразованы в танковые армии, которые получили тыловые службы и зоны ответственности в тылу вермахта) [3, с. 234].

целей. При этом, как и во всех сложных системах управления, большую роль играет наличие способов агрегирования значительных объемов разнородных данных в сравнительно малое число «базовых блоков» информации, оценок, рекомендаций, которые можно было бы использовать для принятия решений в реальной обстановке. Этому необходимо учить в наших военных академиях, особенно в Военной академии Генерального штаба ВС РФ.

В современных условиях действия батальона, роты и даже менее крупного элемента боевых порядков может (и должно в ряде случаев) оказаться предметом внимания высшего руководства страны, поскольку их успех или неуспех способен привести к значительным политическим результатам — как положительным, так и отрицательным. Еще раз следует отметить, что в этих условиях исключительно важную роль играет такой компонент управления, как контроль выполнения полученных тем или иным организмом команд, указаний (приказов, директив и др.). Наличие такого контроля во многих случаях позволяет, в том числе, избежать потерь от тех или иных собственных средств, особенно при взаимодействии ударной авиации и пехоты, и обеспечить минимальные размеры «сопутствующего ущерба» для гражданского населения, оказавшегося в зоне боевых действий.

Ряд отечественных специалистов (и прежде всего генерал-майор В.А. Золотарев) небезосновательно отмечают, что в реальных российских условиях, с учетом всех наших традиций в военном деле и управлении в целом, усиление функции контроля может реализоваться в такой форме, которая способна привести к сковыванию инициативы командующих и командиров. В связи с этим сама концепция контроля применительно к нашим условиям требует дополнительной проработки, с тем чтобы он не носил жесткого и прямолинейного характера. Реализация узко понимаемой функции контроля может усилить боязнь подчиненных перед вышестоящими начальствующими лицами, а объект контроля постарается переложить на них ответственность.

Вся новейшая техника, как и в прошлые РВД, соседствует с традиционной, свойственной «дореволюционному периоду», но с существенным добавлением современных технологий — танки и другие боевые бронированные машины, авианосцы. Некоторые боевые платформы, уже более полувека находящиеся в строю, например стратегические бомбардировщики (советский Ту-95МС и американский Б-52), находят себе новое применение.

В современной войне без сплошных линий фронта, с «многоочаговостью» боевых действий возрастает удельный вес сил и средств для проведения спецопераций, которые берут на себя ряд задач, прежде присущих сухопутным силам. Это очень важный

урок и для наших Вооруженных сил с богатыми традициями, в частности спецназа ГРУ. Бригады и другие организмы спецназа ГРУ, ВДВ, ВМФ должны оснащаться в первую очередь новейшими боевыми и вспомогательными средствами, иметь наилучшую личную экипировку бойца. Повысить реальные боевые возможности спецназа Вооруженных сил вполне возможно в более короткие сроки по сравнению с тем временем, которое уйдет на обеспечение боевых возможностей даже ограниченного числа бригад Сухопутных войск. Именно в частях спецназа проявляется особая ценность каждого бойца, что является одной из важнейших характеристик современного военного дела, в котором как никогда на первое место выходит качество личного состава. В этой связи необходимо ввести в соответствующие наставления и боевые уставы понятия специальных операций как нового вида боевых действий.

Следует отработать делегирование полномочий по применению различных видов поддержки (включая штурмовую и фронтовую авиацию) непосредственно командирами частей и даже подразделений Сухопутных войск, находящихся в соприкосновении с противником. В связи с вышеизложенным назрела необходимость восстановления службы авиационных наводчиков. Научно-технические заделы для этого у нас имеются.

М.А. Гареев абсолютно прав, когда пишет, что в современных условиях управленческая деятельность «все больше будет приобретать характер реализации заранее разработанных вариантов действий» [1]. Это в свою очередь должно опираться на разработку широкого набора сценариев ответа на возможное применение военной силы (прямое и опосредованное) против нас и наших друзей, сценариев применения наших Вооруженных сил в самых различных вариантах — от «гуманитарных операций» до «большой войны» (какой бы она ни казалась сегодня маловероятной) с использованием всего возможного спектра сил и средств. Для этого, в том числе, необходимо предсказательное моделирование на суперЭВМ в различных режимах, с участием лучших отечественных гражданских и военных специалистов, аналитиков политической и военной разведки, оборонной промышленности и пр.

В особую категорию следует, думается, выделить сценарии применения в мирное время нашего ВМФ (как наиболее гибкого военного инструмента политики государства) для эффективного воздействия в четко определенных политических целях на ход международных кризисных ситуаций.

Для всего этого, разумеется, необходимы масштабные (в настоящее время весьма у нас дефицитные) политико-военные исторические исследования, особенно конкретных исторических ситуаций. Военное дело в целом (особенно стратегия и оперативное искусство) становится наукой, прикладной научной дисциплиной.

Важно вновь вернуться к идее создания в Вооруженных силах РФ нескольких экспериментальных бригад — «бригад будущего» (мотострелковой, танковой, воздушно-десантной, средств ПВО), оснащенных всем необходимым по последнему слову техники, полностью обеспеченных новейшими средствами разведки, навигации, средствами тактической и оперативной мобильности, с командным составом, обладающим соответствующими знаниями и навыками. Работа с такими экспериментальными бригадами позволит более адекватно оценить пути и способы формирования других бригад Сухопутных войск, ВДВ, ВВС (и ПВО).

Решить эту задачу можно в весьма короткие сроки. Нельзя не отметить, что сегодня мобильность становится все более превалирующим фактором и принципом ведения боевых действий, что выявляется на основе детального изучения среднесрочных, долгосрочных и сверхдолгосрочных тенденций в развитии военного дела.

Действительно, мобильность в реальных действиях вооруженных сил разных государств становится все более важным инструментом по сравнению с сосредоточением сил на направлении главного удара, а в ряде случаев и заменяет последнее [4]. Еще раз стоит отметить, что мобильность в сочетании с единым информационным полем позволяет вести многоочаговые боевые действия, расфокусируя внимание противника.

По насыщенности вертолетами, беспилотниками, средствами связи, обработки данных, экспертными системами, необходимыми для информационно-аналитической поддержки принятия решений, по степени компьютеризации и ряду других компонентов мы должны поставить цель в ближайшие 5—6 лет достичь уровня наиболее современных вооруженных сил в мире.

Во главу угла безусловно необходимой реформы военного образования должны быть поставлены новые учебные программы и курсы, отвечающие требованиям современной РВД. Подлинная реформа образования не может не отталкиваться от повышенных требований к командирам и командующим, техническим специалистам Вооруженных сил РФ и прочих требований не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня. Среди них — способность самостоятельно мыслить и брать на себя ответственность, проявлять инициативу, особенно в сложные моменты (наказуемой должна быть бездеятельность и безответственность, а не инициатива), хорошо знать современные информационные технологии и пр. Автору не раз приходилось слышать от весьма опытных и авторитетных отечественных командиров и командующих (и сталкиваться с этим на практике), что традиционно в наших Вооруженных силах имеется дефицит грамотных, инициативных лидеров, что инициатив-

ность не очень-то поощряется. Да и самому автору в период службы в должностях первого заместителя министра обороны РФ, секретаря Совета обороны РФ, секретаря Совета безопасности РФ не раз приходилось с этим сталкиваться.

В свете возрастающего значения Арктики, соответствующих недавних решений Совета безопасности РФ целесообразно снова вернуться к концепции «Северного стратегического бастиона» по реализации одной из базовых, доктринальных формул — сочетание ядерного сдерживания со стратегической мобильностью интегрированных разносторонних сил и средств. Эта концепция предполагает, что надежная система ядерного сдерживания — это не только подводные ракетоносцы, но и их защита, многообразные средства, обеспечивающие боевую устойчивость ракетных подводных лодок стратегического назначения (РПЛСН) (особенно средства противолодочной борьбы для нейтрализации многоцелевых (ударных) атомных подводных лодок противника, представляющих едва ли не главную угрозу для РПЛСН). В этой связи, в том числе, весьма важным представляется развитие формулы создания *подводных стратегических ядерных комплексов*, объединяющих в своем составе как РПЛСН, так и многоцелевые атомные подводные лодки (АПЛ) (как лучшее средство борьбы с многоцелевыми АПЛ противника, несущими в себе главную угрозу нашим РПЛСН).

Применительно к Тихому океану речь должна идти о «Восточном стратегическом бастионе». Вместе с «Северным» в Заполярье он составил бы две опоры военной (особенно военно-морской) мощи России в соответствующих обширных зонах. Для обеспечения этих задач следовало бы, в том числе, осуществить глубокую модернизацию тяжелых атомных крейсеров «Адмирал Нахимов», «Адмирал Лазарев», постройку легкого авианосца, оснастив их новейшим оружием, акустикой, радиоэлектронными средствами, палубными надстройками, выполненными по технологии «Стелс», и др.

У России в Арктике имеются значительные преимущества, связанные с большими научными «заделами» по изучению гидрологии и гидрографии, геологии и климата этого обширнейшего региона — как общего, так и специального назначения. Но этот задел необходимо всячески развивать, усиливать, иначе наши оппоненты здесь могут нас обойти. Обеспечение экономических и оборонных интересов России в Арктике требует в том числе мощного ледокольного флота. Вот почему уже в ближайшее время необходимо заложить на наших верфях 3—4 линейных ледокола с атомной силовой установкой. Причем это надо сделать, не дожидаясь завершения формирования Объединенной судостроительной компании, реструктуризации входящих в нее предприятий.

Это дало бы также сильный импульс восстановлению на новой технической основе отечественной судостроительной промышленности, сохранению и развитию способности нашего судпрома проектировать и строить наукоемкие крупнотоннажные корабли, что крайне важно в плане сохранения и развития нашего научно-технического потенциала для ВМФ России.

Для ускорения решения проблем модернизации Вооруженных сил РФ, повышения их эффективности явно потребуются и значительное усиление деятельности государства в оборонно-промышленной сфере (с максимально возможным привлечением отечественного частного капитала, созданием соответствующих политических, моральных, административных и правовых стимулов). Здесь крайне важным представляется запуск в ускоренном порядке, в первую очередь, целого ряда производств для второго, третьего, четвертого уровней комплектации (как спецпроизводств, так и производств на основе технологий двойного назначения).

Большую роль играет сопряжение работы по модернизации военной организации государства с совершенствованием его военной доктрины, приведением ее в соответствие с новой Концепцией внешней политики РФ и новой Стратегией национальной безопасности РФ. Очевидно, что формирование перспективного облика наших Вооруженных сил должно быть неразрывно связано с определением характера и векторов потенциальных политико-военных угроз России, нашим друзьям и союзникам, с постоянным мониторингом меняющейся политико-военной ситуации в мире. Это весьма актуально в свете возрастания элемента неопределенности в мировой политике в связи с нынешним глобальным финансовым кризисом.

Представляется важным особое внимание сосредоточить на постсоветском пространстве, где наши соперники и противники делают все возможное, чтобы ограничить и снизить влияние России. Именно здесь с весьма высокой степенью вероятности следует прогнозировать возникновение ситуаций, требующих вооруженного вмешательства России, применения в тех или иных формах наших Вооруженных сил. Это относится, в том числе, и к гуманитарным операциям.

В заключение необходимо подчеркнуть, что все отмеченные выше приоритеты должны найти отражение в соответствующих разделах федерального бюджета, быть предметом особого внимания в государственной программе вооружений, среднесрочном и долгосрочном планировании строительства, боевого и небоевого применения Вооруженных сил РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гареев М.А.* Стратегическое сдерживание: проблемы и решения // Красная Звезда. 8 октября 2008 г.
2. *Гудериан Г.* Танки — вперед / Пер. с нем. М.: Воениздат, 1957.
3. *Залесский К.* Начальники Генерального штаба вермахта. М.: Яуза; ЭКСМО, 2007.
4. *Кондратьев А.Е.* Борьба за информацию на основе информации // Независимое военное обозрение. 24 октября 2008 г.
5. *Костев Г.Г.* Военно-морской флот страны. 1945—1995. СПб.: Наука, 1997.
6. *Ознобищев С.К., Потапов В.Я., Скоков В.В.* Как готовился «асимметричный ответ» на «стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана. М.: ЛЕНАНД, 2008.
7. *Паршин С.А.* Современные тенденции в теории и практике совершенствования оперативного управления вооруженными силами США. М.: Едиториал УРСС, 2009.